

Грек обернулся римлянином

Иван Мартос в Русском музее

Выставка скульптура

Государственный Русский музей отмечает 250-летие со дня рождения скульптора Ивана Мартоса выставкой «Мартос известный и неизвестный». Название амбициозное — обещает сенсацию. На это обещание купилась КИРА ДОЛИНИНА.

И не прогадала.

Выставка небольшая, почти микроскопическая — всего-то десять работ. Такой камерный формат сенсации, прямо скажем, мешает. Нормальный посетитель мимо пройдет и даже не заметит, что в этом зальчике какая-то выставка. Но она и не для «нормального» посетителя, она для тех, кто точно помнит, что хрестоматийный Мартос — автор памятников народным и ненародным героям (Минину и Пожарскому в Москве, Ришелье в Одессе, Ломоносову в Архангельске, Александру I в Таганроге), соавтор скульптурного убранства Казанского собора, гений вечно плачущих дев на надгробиях и вообще холодноватый и суховатый классик. Вот тут-то Русский музей и позволил себе с учебниками не согласиться. Он выбрал всего один жанр в его творчестве — скульптурный портрет — и рассказал историю о совсем другом художнике.

Что мы знали об Иване Мартосе? Блистательный и удачливый скульптор. Родился в 1754 году на Украине, учился у Никола Жилле в Петербурге и у Бертеля Торвальдсена и Рафаэля Менгса в Европе, очень рано стал профессором академии, потом академиком, потом ректором скульптуры. Имел все возможные чины и награды, а также все возможные государственные и частные заказы. Его сравнивали с Антонио Кановой, и не без оснований: виртуозный, немного сентиментальный, холодноватый. В понимании современников — абсолютный грек. Про «Мартоса магический резец» — восторженный князь Шаховской («Так, Мартос Грек! в его крови / Течет священный огонь Эллады!»). Про то же и все об искусстве XVIII века знающий и все в нем видящий барон Врангель: «Постоянное изучение древнего мира делает из это-

Скульптурные портреты Ивана Мартоса воспринимаются сквозь пелену его славы монументалиста ФОТО НИКИТЫ ИНФАНТЬЕВА

го хохла по происхождению то, что под конец жизни он так офранцуживается, что почти разучивается говорить по-русски. По наружности он полный, добродушный грек, с острым носом и карими умными глазами.

Что мы узнали об Иване Мартосе? «Грек» обернулся «римлянином». Те немногие скульптурные портреты, которые были известны как работы Мартоса, и те пока еще немногие, которые кураторы музея атрибутировали как мартосовские, оказались легче, мягче, веселее и теплее хрестоматийного пафосного набора. Это не тот художник, чей «мрамор плачет», это художник, который способен заставлять мрамор смеяться. Понятно, что никто в это поверить не мог и то и дело мартосовские портреты приписывали более свободным и беззаботным его современникам, прежде всего Федоту Шубину и Борису Орловскому. Но соб-

ранные вместе (и увенчанный венком славы улыбающийся Александр I, и по-бетховенски расстрепанный граф Потемкин-Таврический, и носатый умный историк Христиан Лерберг, и «римский», имперствующий статс-секретарь Екатерины II Петр Соймонов, и все остальные), они вполне способны рассказать о своем создателе связную историю.

Эта параллельная, не столь официозная история Ивана Мартоса, скорее всего, будет дополнена. По мнению кураторов музея, только начавших собирать по коллекциям других музеев сведения о мартосовских портретных скульптурах, большинство из них осели в частных собраниях и различных госучреждениях. Так что если у вас есть дома классический портрет Шубина, проверьте, он может оказаться нетривиальной работой Мартоса.